ЦЕНА 10 коп.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МОЛОТ

ЖУРНАЛ ТАПП.

Март 1928 г. № 3 (16).

МАКСИМ ГОРЬКИЙ.

Стихи

О КИТАЕ.

1. Вышивальщица лилий.

Эти дни — неудержным роем.
Но в Китае велики года.
Жили тихонько трое:
Ми,
Отец
И нужда.
Риса и счастья немного
Требовал маленький дом.
Но где и какая дорога
За хрупким бумажным окном?
У Ми совсем черные косы
И по весеннему смех,
А если глаза раскосы,
Так это в Китае у всех.
Легка и мала иголка, —
Легка и мала, как миг.
Ми вышивала шелком,
Только всегда для других.
Прекрасные белые лилии
И на шелку хороши.
Но стоят многих усилий,
А платят за них...
Гроши.
У дам же, прекрасных и белых,
Сердца, к к уголь черны.
Скажите, — какое им дело,
Что китаянки бедны?
О, если б ожили драконы,
Свершилась китайская месть!..
Сказано в каждом законе:
Каждому
Надо
Есть.

2. Какие бывают мандарины.

Мандарин душист и сладок,
С золотой упругой кожей.
Но с косою и в халате —
Он, конечно, не такой же.
Мандаринам, коль их много,
Рад заботливый садовник.
Но за тяжкие налоги
Бедняки клянут давно их.
Разоренье, коль помяты
Мандарины или вишни.
Но помять бока богатым —
Право, было бы не лишним.
Где-то, в песенке старинной
Говорилось очень метко:
«Ах, побольше б мандаринов —
Не в халатах, а на ветках!»

3. Китайское счастье.

Ночь. Переулок. Курильня.
Спит мандариновый сад.
Хозяин с улыбкой умильной
Каждому гостю рад.
— Входите!
Здесь мир и прохлада.
О, путник!
Куда ты спешишь?
Каждому сердцу отраду
Даст ароматный гашиш.
За дверью, резною и низкой,
Циновки желты и свежи.
Рядом с тюбетейкой киргиза
Приютилась чалма хаджи.
И, — как у Брамы в палатах, —
Те, кто из желтой страны,
Счастливы и богаты
И даже белым равны.

Галина Краева.

В синем мерцающем сне
Вздохи легки и нечасты...
Можно — мечтать о весне
И о невиданном счастье.
Снам же назначено сниться
Только единственный раз!
Со стен усмехаются лица
С раскосою прорезью глаз.
Китайская древняя мука —
Сердце и руки в крови!
Тянутся черные руки,
Пальцы сухи и кривы.
Тянутся, тащат и душат...
Будьте вы прокляты,
Сны!
. . . . . .
Где-то счастливые души,
Вздохи жемчужной весны...

Галина Краева.

Сказки деда.

Коль сердцу бывает не жарко,
Коль тусклые солнца огни...
Сажусь на большую лежанку,
Чтоб вспомнить ушедшие дни.

— —

И усну. Мне радостно снится
Сквозь теплую, тих ю муть.
В окно прилетает жар-птица
И тихо садится
На грудь..

— —

В дремучем лесу есть дорога
Там листья, звенят,
Словно медь,
И там у заросшего лога
Гуляет косматый медведь..

— —

И там,
Где вечерняя птица
Кричит в бездорожии троп,
С прекрасной,
Румяной девицей
Стоит позолоченный гроб..

— —

И там не пройдет и не ступит
(В глуши!) человечья нога..
С метлою березовой в ступе
Катается баба-яга.
. . . . . .
Есть море, и волны уходят
За тридевять долгих земель...
Бенгальские тигры приходят
Волною напиться на мель.

— —

За ними,
Неслышным шагом,
Сквозь мутный нависший туман,
На ловлю идет с бумерангом
С огромным пером — могикан.

— —

. . . . . .
И вот сновиденье увяло.
Я знаю, —
Не сон это, нет!
. . . . . .
На этой лежанке бывало
Мне сказки рассказывал дед.

Александр Лесной.

Подлунная дорога.

За перевалом перевал
Миную понемногу.
Ночной морозец заковал
Хрустальную дорогу.
Где днем веселые ручьи
Журчали говорливо,
Луны раскосые лучи
Красивы и игривы
Поля, — хоть год по ним скачи, —
Все шире и раздольней,
И слышно кличутся сычи
За дальней колокольней.
Река туманной полосой
Синеет льдом набухшим
И лентой черною лесок
С кустистою опушкой.
Я еду. Мне так хорошо
Средь шири распростертой..
Дымком серебряным пушок
На вороте истертом.
Чем больше, дальше еду я,
Даль ласковей, чудесней,
И хочется в глухих полях
Разлиться вольной песней.
В бору морозца бирюза,
В бору тоскуют ели...
Мне в песнях хочется сказать
О чем еще не пели.
Мне в песнях хочется порой
Словами сердце вылить
И дум житейских мелкий рой
Развеять снежной пылью.
Эх, хорошо в ночных полях!
Вдруг гикнуть для потехи,
Чтоб вздрогнула, будясь, земля,
Чтоб к ней склонились вехи.
За перевалом перевал
Минуя понемногу.
Ночной морозец заковал
Весеннюю дорогу.

Алексей Медведев.

БУРЕВЕСТНИК.

(Одно из первых произведений М. Горького).

НАД седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный.

То волны крылом касаясь, то стрелой взмывая к тучам, он кричит — и тучи слышат радость в смелом крике птицы.

В этом крике жажда бури. Силу гнева, пламя страсти и уверенность в победе слышат тучи в этом крике. Чайки стонут перед бурей, — стонут, мечутся над морем и на дно его готовы спрятать ужас свой пред бурей.

И гагары тоже стонут, — им, гагарам, недоступно наслажденье битвой жизни: гром ударов их пугает. Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах... Только гордый Буревестник реет смело и свободно над седым от пены морем.

Все мрачней и ниже тучи опускаются над морем, и поют, и рвутся волны в высоте навстречу грому.

Гром грохочет. В пене гнева стонут волны, с ветром споря. Вот охватывает ветер стаи волн об'ятьем крепким и бросает их с размаха в дикой злобе на утесы, разбивая в пыль и брызги изумрудные громады. Буревестник с криком реет, черной молнии подобный, как стрела, пронзает тучи, пену волн крылом срывает. Вот он носится, как демон, — гордый, черный демон бури, — и смеется, и рыдает... Он над тучами смеется, он от радости рыдает. В гневе грома, — чуткий демон, — он давно усталость слышит, он уверен, что не скроют тучи солнца, нет, не скроют! Ветер воет... Гром грохочет. Синим пламенем пылают стаи туч над бездной моря. Море ловит стрелы молний и в своей пучине гасит. Точно огненные змеи, вьются в море, исчезая, отраженья этих молний.

— Буря. Скоро грянет буря.

Это смелый Буревестник реет гордо между молний над ревущим гневным морем: то кричит пророк победы.

Пусть сильнее грянет буря...

Максим Горький.

1900 г.

М. Горький о пролетарской литературе.

(Отрывок из письма М. Горького).

. . . Написанная вашими товарищами, эта книжка, — новое и очень значительное явление вашей трудной жизни; оно красноречиво говорит о росте интеллектуальных сил пролетариата. Вы, разумеется, прекрасно понимаете, что для писателя-самоучки написать маленький рассказ неизмеримо труднее, чем для профессионального литератора роман в двадцать листов, — на эти трудности с горькой усмешкой намекает автор рассказа «Но» . . . Вы понимаете также, что, кроме недостатка свободного времени, писателю-рабочему мешает изложить свои впечатления ярко и точно — т. е. художественно, его малое уменье пользоваться пером, инструментом писателя, мешает незнакомство с техникой дела, а самой крупной помехой является недостаток слов — невозможность выбрать из десятка их самое простое, сильное, красивое. Но, несмотря на все эти трудности, вы, мне думается, все-таки можете сказать, не кривя душой, что этот ваш сборник интересен; вам есть, чему порадоваться, и — кто знает будущее — возможно, об этой маленькой книжке со временем упомянут, как об одном из первых шагов русского пролетариата к созданию своей художественной литературы.

— Фантазия! — недоверчиво скажут мне — Такой литературы никогда и нигде не было!

— Многого не было, что есть теперь, — ведь, раньше не было и рабочего класса, в тех формах, с тем духовным содержанием, каков он в наши дни. Если бы человек не верил в силу своей воли и разума, — он не летал бы в воздухе птицей, как летает ныне. Стремление выразить в красивых формах свои ощущения, свои мысли свойственно каждому человеку. Это стремление должно все более напряженно развиваться в душе пролетариата, который, по мере роста интеллектуальных сил, будет все с большей и мучительной я с н о с т ь ю чувствовать свою коллективную драму и драму своих единиц.

А когда душа переполнена, она неизбежно изливает свои силы, свои скорби и радости в мире, на людях.

Я крепко убежден, что пролетариат может создать свою художественную литературу, как он создал — с великим трудом и огромными жертвами — свою ежедневную прессу.

Это убеждение мое выросло на почве долголет их наблюдений моих за усилиями, которые сотни и сотни рабочих, ремесленников, крестьян упрямо тратят в попытках изложит на бумаге свои думы о жизни, свои наблюдения и чувства.

. . . Товарищи.

. . . . . .

Когда история расскажет пролетариату всего мира о том, что пережито и сделано вами за восемь лет реакции — рабочий мир будет изумлен вашей жизнедеятельностью, бодростью вашего духа, вашим героизмом. Может быть, вы сами не сознаете, не замечаете, как много сделано вами, но будущие поколения русских рабочих и весь пролетарский мир нашей планеты, несомненно, почерпнут в примере вашем великие силы для борьбы за новую, мировую культуру.

Это — будет. Только мертвые не п о й м у т общекультурного значения работы, совершенной вами за эти восемь лет. Один из поэтов, участник в сборнике, восклицает: — «Вперед, к культуре мировой!»

Добрый путь, товарищи! Да здравствует разум и в о л я, создавшие м и р о в у ю культуру!

(Отрывок из предисловия к 1-му сборнику «Пролетарских писателей» 1914 г.).

Максим Горький в 1905 г. Карточка петербургской охранки; в графе «род преступления» А. М. Пешкова проставлено: «член временного комитета для руководства рабочими беспорядками». (Музей Революции в Ленинграде).

На 10-й странице смотри статью о М. Горьком и его творчестве.

Рассказ
С. Корнева.

АПРЕЛЬСКАЯ ночь, как молодая цыганка, рядится в монисты золотых звезд.

Сидит Макар и читает книгу — хорошую, умную — готовит зачет.

Но слышится чей-то весенний шопот. И этот шопот сквозь раскрытое окно в сад проскальзывает в его комнату. Буквы сливаются, прыгают.

— Это «она»,— несется в голове, и он невольно начинает прислушиваться.

Шопот ломается, комкается, рвется в чьих-то ласках, клятвах, мольбах.

Макар затыкает уши, а сам встает, тянется к шопоту, шороху, звукам: ловит их.

Вот в руке треснул карандаш. Последний карандаш! А рука еще крепче сжимается—пальцы хрустят. Закрыл окно: раму бы вырвал! А шорохи, звуки сверлят. Бросил книгу. Кумачевые яркие губы соседки, новой, весенней, прибывшей вчера, впились в глаза. Потянулся Макар. Дрожь пробежала. Хрустнули пальцы:

— Э-эх!

Шумно распахнул дверь, вышел. Быстро сбежал вниз. В саду было темно и пусто. Из глубокой аллеи навстречу ему шла «она» — молодая, ласковая, добрая, окутанная ночью и ранней, свежей, гудящей весной.

Потом «она» лежала на диване, и Макар сидел у ее ног и говорил. Глядел на ее глубоко открытую грудь и говорил. Она слушала и смотрела на свои ноги, на очень длинные чулки и очень короткую юбку.

Потом все было по-весеннему просто. Так просто, что стало смешно.

Уж больно просто!

Макар торжествовал: наконец, он—«взял».

Смелые бывают люди!

Но, вот, заплакал ребенок. Поправляя платье, Анна Степановна спросила:

— Ты любишь Степу?

— Люблю...

— Степа, вот твой папа!

Заплаканные глаза ребенка недоверчиво остановились на Макаре.

Макар стал вотчим.

Вот и все.

Забылись и зачеты, и книги. Пыль вдруг насела на книги.

Косится Макар на полку, а сам над работой согнулся—нет часа, минуты для книги. С утра до вечера теперь работает. Много работает Макар—и все мало. Еще и еще надо, до боли в пояснице, до темноты в глазах.

Но не только ВУЗ'а, а и хлеба не стало.

Сперва вместе работали, а потом жене запретили — тяжела стала.

Злится Макар:

— Аборт, снова аборт.

И деньги.

И встает перед ним бледная, шатающаяся фигура жены, акушерка, трамвай... Рассказ про белую пластинку, воткнутую в тело, по ней тонкой струйкой сбегает кровь...

Белая акушерка страхкассы! Она — свой человек. О ней дома, на прогулке—всюду. Год из беды выручали, потом отказали. К другой жена не пошла, и вот теперь:—рот будет. И десять, двадцать лет хлеб в него суй... Вот черт!

— Вон, чавкает. С утра до вечера жует. Один — двух с'ел... Эй, ты, писатель!

Степка обернулся.

— Жуешь?

— Маа-ма...

— У, дите чертово!

Вошла мать. Опять зачмокал. Сперва один, потом вместе. Жена синяя и длинная. Челюсти ровно маховики работают. Чавкают, — ровно нутро едят.

Подмывает Макара: Макар с утра не ел. Ниже согнулся, а в душе — лай собачий.

— Садись, а то мы все с'едим.

А сама жует, жует, жует.

— Пра, все с'едим.

— Ешь, ешь...

А у самого руки дрожат. Подкатывает под самое горло.

Ух, черт! — волосы с корнем остаются в судорожно сжимающихся пальцах. Стучат виски, отталкивая горячие ладони.

А губы настойчиво, сочно, насмешливо чмокают, чавкают:

— Мля...

— Мля...

— Мля...

Чувствует Макар, что неладное творит в нем все это, а пересилить себя не может.

— Испить бы хоть... Вздохнуть бы вот, ребра раздвинуть и все-б прошло.

Путалась мысль. Совсем плохо. Методичнее слышится животное:

— Мля...

— Мля...

— Мля...

И ткнулась мысль: холодком пробежала в зубах.

— Стой, стойте!..

— Мля...

— Мля...

Качнулись, пошли, зашумели, закружились: лица, предметы, стены.

И кинулся зверь. Вскрикнули жертвы. Сломался человек. И так просто, противно просто, ударил: раз, два...

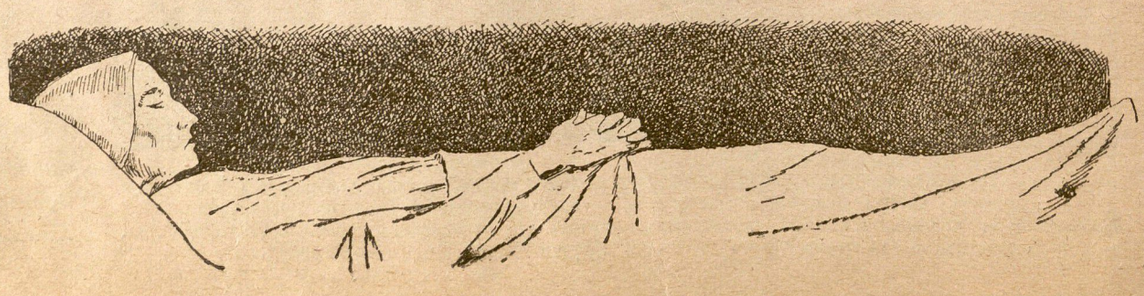
На завтра — выкидыш...

Пошла куда-то — вернулась, слегла. Вечером начались схватки. Змейки страдающих теней забегали по лицу. Оно сделалось землистого цвета.

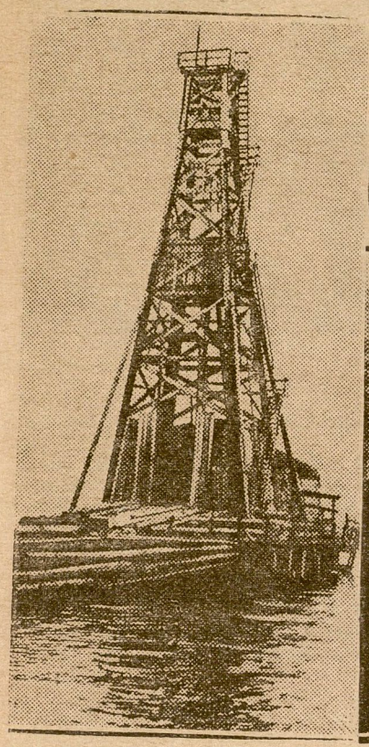
— Что-то вышло... — шепчет жена белыми, страшными губами. Он поднимает платье и берет рукой из кровавой лужи липкое тельце. Оно держится на какой-то кровавой нитке.. Макар осторожно рвет эту нитку и несет тельце... — нечто прозрачное, в крови и кровью налитое, с формой головы и ее уродливыми атрибутами: глазки, как капельки, рот и нос едва обозначены, — и почему-то кладет его под порог в мусор...

Жена кричит. Из нее льет кровь. Ночь. Деревня. Ни души. Больница—пять верст. Но час-два в поисках подводы,—и они едут.

Над одинокой повозкой тянется душная, теплая ночь — молодая цыганка, наряженная в монисты золотых звезд.

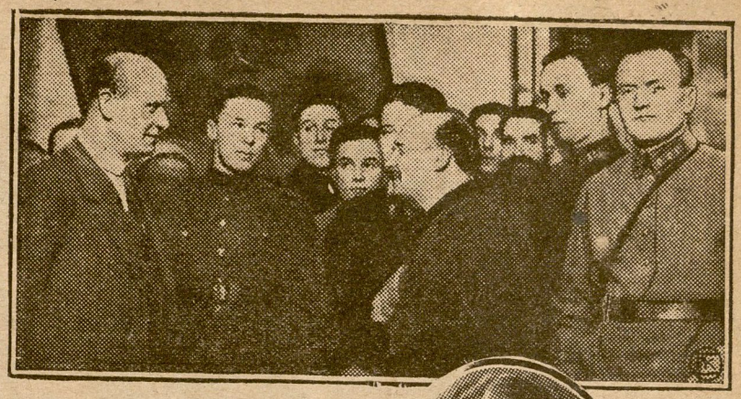

У НАС И ЗА ГРАНИЦЕЙ.

1) **Нефть на воде.** Промысел «Ильича» на засыпанной части Биби-Эйбатской бухты в Баку. Промысел сооружен советской властью на богатой площади в 200 гектаров. Все здесь устроено по рациональному плану: правильная разбивка шоссейных дорог, специальная узкоколейная железная дорога, полная электрификация промысла, железные сточные нефтяные линии и т. д. В декабре месяце бухта, с ее добычей в 65 тысяч тонн нефти, занимала первое место среди всех промыслов Бакинского района. На снимке—новая нефтяная вышка на сваях. 2) **Женщины-милиционеры.** В Рязани 2 работницы, М. Орлова (вверху) и В. Солянова (внизу), выдвинуты на должность милиционеров. 3) **На открытии Центрального Дома Красной армии им. Фрунзе.** На снимке т.т. Бухарин (в центре) и Тельман (слева) беседуют с красными командирами 4) **Борьба германских металлистов.** В металлопромышленности Германии, на почве отказа предпринимателей повысить зарплату, была об'явлена забастовка. По постановлению правительственного третейского суда зарплата была повышена на 3 пфеннига (полторы копейки) в час. Рабочие не подчинились этому решению. Соглашатели, руководившие профсоюзами, пытались сорвать забастовку. Но борьба продолжается. На снимке рабочие в Галле, бросив работу, идут на митинг. 5) **В буржуазном застенке.** Вверху известный румынский коммунист Борис Стефанов, приговоренный к 8 годам каторжных работ. Ниже—подземная тюрьма, куда заключен Б. Стефанов.

Оставив жену в больнице, подходя к дому, Макар с ужасом вспомнил, что оставил под порогом.

Отворил дверь. Чиркнув спичку, стал шарить у порога, боясь перешагнуть его...

Нашел.

Походя, положил на стул. Зажег лампу. Вынул платок. Завернул. Вышел на двор — вырыл руками яму: положил. Вернулся, лег: не спится. Залаяла собака. Холодом обдала мысль: найдет — с'ест. Вышел—откопал.

И проходил с ребенком в кармане до самого солнца.

А когда Макар пришел в больницу, навестить жену, его проводили в часовню.

Он быстро сбежал вниз, вошел, но там было сыро, темно, пусто и очень холодно. Навстречу, из глубины подвала, глядела на него белая, длинная фигура трупа.

И эта последняя встреча была очень похожа на первую своей нелепостью и случайностью.

Сделав несколько шагов вперед, Макар сунул руку и окаменел от ужаса, нащупав в кармане то, о чем как-то вдруг снова забыл.

А с секционного стола на него уже смотрели большие, черные пятна мертвых, погашенных глаз.

Макар вынул и положил прямо на грудь, чуть повыше связанных белой холстинкой холодных, костлявых рук, маленький, белый, с кровоподтеками, сверток.

Застывшие лиловые губы жены шевельнулись:

— Макар!..

Шопот покатился по темным углам. Капли холодного пота выступили на лбу и тяжело побежали по лицу.

Едва передвигая по каменным плитам освинцованные ужасом ноги, Макар шел к выходу.

А выход был так далек, что дойти до него было невозможно.

До боли ширились орбиты глаз, сердце рвало грудь, хотелось крикнуть, бежать, но ноги были скованы параличем мышц.

И Макар стоял. Стоял до тех пор, пока все, что видел, не запомнил с солнечной яркостью, до корней волос, до мозга костей. Стоял, пока не пришла няня, пока не пришел врач, пока Макара не увезли в больницу.

* * *

В ту же ночь, глядя с мольничной койки в окно, на звездное небо, Макар думал о прошлом.

Бежали облака по отсветам луны. Листалась в памяти книга к зачетам и комкался весенний шопот в саду.

Вот „она" лежит на диване, непонятная, таинственная, многоликая, мечта-женщина.

А вот, он,—Макар, торжествующий, гордый, героический, победивший, всепрощающий и на все согласный в своем величии.

И вот он маленький, ничтожный, смертельно напуганный, жалкий и смешной лежит в больнице, а жена рядом—в часовне, и ее надо хоронить.

И бегут по луне облака, а по телу Макара мурашки, и ничего он не может понять.

Луна холодная, лилово-бледная, как труп жены, стойко глядит на него и Макара трясет от ее холода.

Рис. А. Ларчева.

ИСПЫТАНИЕ

Рассказ М. Юрьевой.

ПОДОБНО морю, вздыбленному штормом, гудело собрание. Тяжело плескалась муть бранных и угрожающих слов. Зловеще вскидывали перед собой шахтеры стиснутые кулаки. Весь клуб, заполненный шахтерами, напоминал собою улей, когда, раздраженные сытым бездельем трутней, пчелы готовятся к их избиению.

— Уголь .. Уголь...—хрипло, надсаженно и будто угрожающе гудели голоса.

— Уголь... А вагонеток нет... И лошади внизу подохли...

— Уголь... А хлеба нет... Давно обещали... не выдали.

— Зубы крошатся и ноги подламываются от цынги.

— Советская власть только берет. А что мы видим от нее? Все одно — что комиссары, что батько Махно.

— А ще... Слухайте мене, вси—выпер вперед седой шахтер. Лицо его, разрисованное полосами угольной пыли, в седеющей короне волос, с большими, свисающими вниз усами могло и рассмешить и испугать.

— Слухайте мене вси!—повторил он, и все, точно наэлектризованные его жестким и властным голосом, подались, насторожившись и внезапно смолкнув, вперед.

— Цей человик, цей комиссар, що угля з нас требуе, хай вин з нами з утра в шахту спустится. Хай вин побаче, як цей вуголь нам даеться... Хай вин знае, що це за работка наша...

Сотни пар углекоповских глаз вонзились в комиссара на трибуне. В серой шинели, в большой лохматой папахе этот пришелец „з Московии" казался крошечным, одиноким и беспомощно затерянным островком среди неистово захлестывающих его волн враждебной яростной стихии.

С эстрады, осаждаемой углекопами, он окинул скрытым за низко надвинутой папахой взором всю эту изголодавшуюся, измученную работой и гражданской войной толпу Но взгляд его не остановился лишь на этой толпе. Он ушел дальше, за пределы этого шахтерского клуба с промерзлыми стенами, дальше, вглубь неизмеримых пространств всей страны. Он увидел там десятки и сотни фабрик и заводов, умирающих медленной и мучительной смертью из-за нехватки угля Он увидел сотни и тысячи паровозов, заморозивших свои котлы из-за отсутствия топлива. Почти физически он ощутил эту неистребимую тоску машин, паровых котлов и двигателей по этому черному хлебу, по этому драгоценнейшему дару земли, без которого они обречены на разрушение и смерть. Сотня вагонов этого черного топлива!. Сотня вагонов на первое время—и можно еще спасти заводы Москвы и Петрограда!

Это длилось секунду. И снова он увидел перед собою тех, которые могли дать этот уголь, в руках которых было спасение от развала промышленности Республики.

Он встал и ответил, не колеблясь.

— Хорошо, товарищи. Пусть будет так. На утро я спускаюсь с вами в шахту.

— А хлеб, соль, мануфактура?

Я сказал уже вам, что они придут после того, как мы отправим уголь на север. Не может быть соли, хлеба, мануфактуры прежде, чем вы не отошлете в Москву уголь. Дайте уголь фабрикам, заводам, паровозам. И они сработают вам мануфактуру. Поезда, отопленные вашим же углем, привезут вам продукты.

Его согласие обезоружило собрание. Они прямо поставили вопрос... Он ответил прямо. Неудовлетворенные, они все же признали его правоту, и их молчание свидетельствовало об этом.

——

Он знал, что махновские настроения были сильны среди шахтеров. Он видел это вчера на собрании. Он видел это и во враждебных взглядах, которые бросала на него толпа углекопов у подхода к спуску в шахты.

— Ловушка! Возможно.. Но либо спуститься с ними вниз, рискуя многим. Либо, обнаружив свое малодушие, обречь на ржавчину прожорливые котлы машин и паровозов, о мучительном голоде которых вопят столбцы газет и кричат беспомощно и печально гудки пустующих заводов и заносимых снегом поездов.

Его сопровождали двое. Тот седой шахтер, что выступал вчера на собрании, и другой—молодой.

Вглядываясь в лица спутников, пришелец „з Московии" хотел разгадать, какие намерения скрыты за их глазами. Но их глаза, убегая от его взгляда, тоже, казалось, были покрыты плотной, непроницаемой пленкой угольной пыли. Настороженно, видел он, следили они за ним, но сами прятали себя еще глубже под нахмуренные брови, под складки лба, засоренного сеткой угольной пыли.

Рыча и взвизгивая на блоке, толстый металлический канат из узкого кольцеобразного спуска в шахту вытягивал железную клеть. Вот она вынырнула из черной мрачной пасти и, поместившись на подвижной площадке, выпустила двух углекопов. Москвич и его два спутника вошли в клеть. Еще несколько секунд .. Снова яростный скрежет цепи на блоке, и клеть, стремительно развивая свой бег, помчалась в темный, пахнущий сыростью и плесенью провал. Свет от лампочек, привязанных к поясам шахтеров, бледными трепетными лучами побежал по осклизлым стенам спуска, бессильный победить осевший на них мрак.

Через несколько секунд они были уже на дне шахты. Темь впереди, темь сзади и окаменелые пласты угля по бокам окружили их. Из близких, но невидимых переходов доносился смешанный гул колес вагонеток, стук кирок и неясный гул других неразличимых звуков. Москвичу с непривычки казалось, что мрак давит на сердце, мрак мешает дышать, мрак связывает движения. И казалось еще, что под ногами неожиданно раскроется провал и с дьявольской быстротой провалишься вниз, где поглотит неведомая и страшная глубина.

Они шли вперед. С каждым шагом было труднее дышать. Загрохотало что то над самым ухом. Неожиданно из-за невидимого поворота, точно вырастая из черной стены, выплыл силуэт лошади.

— Э, берегись! — разнесся и потонул где-то в конце перехода предостерегающий окрик. Москвич прижался к стене, инстинктивно ощущая в себе желание вдавить себя в ее твердый пласт, чтобы не быть смятым вагонеткой, которая с грохотом катилась за лошадью.

Вот поворот. За ним в слегка расширенном забое бледный, мерцающий свет нескольких лампочек Здесь шахтеры, почти обнаженные, обливаясь потом, вырубают уголь...

— Куда они ведут меня — невольно подумал москвич, когда из этого забоя они вышли в проход еще более узкий и, казалось, еще более темный, чем первый Снова он различил грохот колес, снова вынырнул из тьмы чудовищный силуэт лошади, опять раздался и замер окрик каталя и грохот вагонетки. За следующим забоем они вступили в новый проход. Здесь нужно было итти уже согнувшись. Чем дальше, тем проход становился уже. Вдруг мощный взрыв, сотрясая своды, раздался где-то сзади. Он прогремел и быстро угас, но москвичу показалось, что сверху и с боков сейчас посыплются каменные глыбы и навсегда погребут их здесь.

Что такое? — приостановившись, спросил он у спутников.

— А то взрывают пласт угля, — нехотя ответил старик.

— Куда мы идем? — спросил москвич.

— А побачим — ответил тот же старик, и москвичу показалось, что в его голосе прозвучали какие то злорадные нотки. Жара и духота прерывали дыхание. Пот катился с него струями, одежда прилипала к телу и с каждой минутой казалось ему, что он не в состоянии вынести этого тяжелого загадочного путешествия. Вот свод спустился еще ниже. Лампочки едва-едва коптили. Все трое двигались почти на ощупь.

— Цоп- сказал вдруг старик, ползший впереди. Двое остальных остановились.

— О це, братики.. яка стория. Майбуть, мы заблудились.. Здесь ходу не мае..

Старик шарил руками, но впереди, с боков и сверху его встречала гранитная масса стен. Они оказались в каменном мешке. Миллионы тонн угля сверху, с боков, снизу отграничивали их от всего мира

— Так ползем же назад! Скорее! – предложил москвич, пытаясь не выдать своего подозрения в том, что они намеренно завели его сюда.

— Куда ползти?.. Ты слышал взрыв... То, может быть, взрывали пласт перед проходом в эту щель... Заблудились. Я ошибся в дороге

Они были в тупике... Они были в каменной могиле, на глубине многих десятков саженей под землей.

— Так пойдем назад... Будем кричать... Нас услышат.. — предлагал москвич.

— Пропало дело.. Кто нас услышит? И кто знает, что мы пошли сюда? — безнадежно ответил старик.

— Так нужно действовать.. Нужно что-нибудь предпринять.. Нельзя же живьем задохнуться в этой дыре..

Старик и другой шахтер молчали.

— А-о-э-э-э... приложив руку ко рту, прокричал москвич, испробуя силу голоса. Ему казалось, что где-то ответили на его крик

— Кричат... слышите..

— То не голоса, то обман, — упавшими голосами ответили оба...

— Если бы динамиту... мы могли бы вернуться назад и попытаться взорвать завал—продолжал соображать вслух москвич.

— Да, як бы динамыт! — машинально, точно автомат проговорил старик.

— Но что же нам делать? — говорил москвич... Жара мучила его. Он сбросил с себя уже верхнее платье, рубашку и, обнаженный до пояса, он полз по тупику, руками нащупывая стены, надавливая на них, в чудовищной надежде сдвинуть их с места. Шахтеры недвижно, в безнадежных позах сидели у стены. Впотьмах, натыкаясь на острые углы неровностей в стене, раня себе руки и ударяясь о стены плечами и лбом, москвич искал место, такое место, которое могло бы дать надежду выйти отсюда. Он шарил руками вправо, влево, вперед, с нечеловеческим усилием, в чудовищном напряжении мышц, давил на стены и встречал их молчаливую неумолимую неподвижность. Все переживаемое им казалось не действительностью, а жестоким и мучительным сном. Вот, только собраться с силами, двинуть всеми членами и спадет этот липкий, тягучий и оцепеняющий кошмар. Но к суровой правде возвращал его вид двух, едва освещенных меркнущими лампами шахтеров, темных стен, духота и мрак. Измученный, он почувствовал, как прилив крови к голове, ослепляя, опрокидывает его вниз. Опускаясь всем телом вдоль стены, усилием воли возвращая себя к осознанию действительности, он вдруг почувствовал, что в одном месте стены откуда-то идет свежая струя воздуха. Это мгновенно вернуло ему силы и самообладание Но он не поверил себе. Он вытянул руку назад вглубь насыщенного духотой и жарой воздуха и, снова приблизив ее к стене, испытал ощущение некоторой прохлады. Он опять стал шарить руками по стене. убеждаясь, что в этом месте она отличается большими неровностями, большим обилием глубоких впадин и острых углов. Он всунул руку в одну из этих впадин и ощутил приток небольшой струи воздуха

— А, что, товарищи.. Не может случиться так, что здесь тоже когда нибудь был обвал и здесь лежит небольшой пласт отдельных глыб угля, за которым открывается проход?—волнуясь, спросил он у своих спутников.

Те только махнули в ответ рукой.

Не надеясь на них, предоставленный лишь самому себе, он сделал последнее усилие, надавив на одну остро-выпяченную неровность стены. Он собрал всю силу, все упорство. Всю кровь, бегущую по его телу, упрямством воли своей он направил на помощь мышцам — и под изодранной в кровь кожей ладоней он ощутил вдруг, как стена подается вперед. Он приналег еще сильнее и ему показалось, что он ощутил шаткость всей стены, всего миллиардно-пудного слоя угля. Навстречу ему в лицо брызнул свежий воздух. Он тронул с места огромный камень, слегка подавшийся в соседний проход.

— Товарищи.. Спасение... Смотрите... Еще несколько камней — и мы можем выйти отсюда,— точно в горячке, как безумный, кричал он своим спутникам.

Неожиданно вдруг вскочил молодой шахтер.

— Осторожно! Дальше от завала! Глыбы могут посыпаться на вас—и он отдернул москвича от тупика, а потом, крутя кулаком перед носом старика, кричал гневно и зло:

— К черту!.. К черту эту комедию! Для чего человека измучили? Испугать хотели? Так не испугаете... Будьте вы прокляты, махновцы злостные!

И, обратившись к москвичу, он сказал.

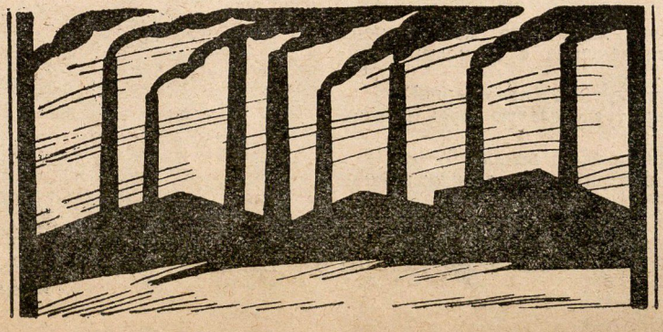
— Товарищ комиссар. Комедия одна.. не верьте вы нам. Шахтеры испытать вас хотели. Раньше, по сговору этот пробой с того проходу глыбами угля заложили. Посмеяться хотели, как москвич-комиссар трусить будете..

Через несколько минут теми же переходами, которыми пришли сюда, они выбрались в широкий проход. Здесь окружила их партия шахтеров. Десятком лампочек осветили эту группу из троих.

———

Вечером снова гудело собрание... Но в нем побеждали уже иные голоса. Не было угроз и не было брани. Закаленная в суровой и мужественной работе шахтерия проверила закалку мужества московского посланца. И свое доверие ему и пославшим его она закрепила в резолюции:

„Откопать и отгрузить для Москвы 100 вагонов угля“.

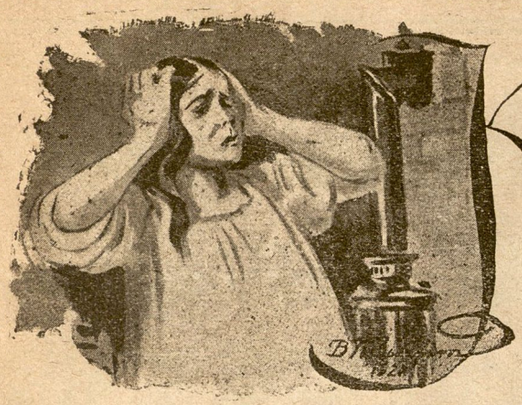

Рис. В. Гильберта.

Колдобина

РАССКАЗ С. ДМИТРИЕВА.

В окно тянет утренним холодом, на глазах еще лежит отрадный сон, зевота распирает грудь—спать бы, спать... Но спать больше нельзя.

Варварка быстро одевается, свертывает тощий, замызганный тюфяк и кладет его в узкий «проулочек» за печкой.

За окном белесо и сонно.

Прогремела извозчичья пролетка. простучали шаги раннего пешехода. Туман медленно уплывает куда-то, открывая город.

Варварка умылась, напялила на себя изношенную кацавейку идет колоть дрова.

За воротами шаги, громкие, редкие голоса и певучее такое, родное:

— Молочкя, молочкя...

Потом:

— Булочки, булочки...

И вдруг, озорно и задорно:

— А вот угли, угли...

Утро.

——

Варваркину хозяйку Евгенией Петровной зовут, а по настоящему Акулиной Сидоровной, и Варварка никак не может понять, как крестили второй раз ее хозяйку и какой поп. Ведь не всякий же поп согласится бабу крестить.

— Варька!

Варварка стремительно бежит на зов.

Евгения Петровна лежит на кровати, закинув голые пухлые руки за голову.

В спальне пряно пахнет духами, пудрой, различными помадами.

— Самовар готов?

— С каких пор готов,—отвечает Варварка. Он уже заглох, я опять углей положила...

Евгения Петровна достает из-под подушки кошелек, отсчитывает мелочь и дает Варварке приказания—чего купить.

— Ладно,—говорит Варварка, и уходит.

Евгения Петровна кричит ей вслед:

— Тише грохай полсапожками-то... Неотесанная... Чай, ведь, не в деревне... Поди сюда, Варька!

— Чего?

— Чаво,—передразнивает ее хозяйка. Сколько раз я тебе, сволочи этакой, говорила, что не „чаво“ надо говорить, а „что-с прикажете“. Запомни: при гостях я тебя буду звать Нюсей... Иди...

— Ладно.

Евгения Петровна сладко потягивается, вытаскивает из-под подушки колоду карт. Она гадает на бубнового короля. Раскладывая карты, она тихонько поет „про быструю чайку“, которую ранил охотник безвестный, а сам скрылся в горах.

Чайка, это—она, Евгения Петровна, охотник безвестный—Семен Васильевич, жилец из седьмого номера.

Влажные, накарминенные губы Евгении Петровны часто облизывают мякиш большого пальца, чтобы к нему не прилипали карты.

Выходит: на сердце у короля—дама крестовая, рядом дама пик.

Злодейка! Ну, понятно, пиковая дама — это жена Семена Васильевича. Высокая, чахоточная женщина с отвислыми грудями.

Ах, как ужасно верно говорят карты. Ужасно верно!

Глубокий вздох подымает открытую, розовую грудь Евгении Петровны.

Второй раз выходит: дорога и какая-то печаль.

Евгения Петровна испуганно смотрит на численник: неужли муж раньше времени из командировки вернется?

В третий раз вышло—письмо.

Собрав карты, Евгения Петровна сбрасывает с ног одеяло, легко соскакивает с кровати и, накинув теплый платок на голые плечи, садится к столу.

Письмо к Семену Васильевичу не удается.

Евгения Петровна злится и кусает карандаш.

Наконец принимает решение: непременно надо письмовник купить... В нем на всякий случай жизни письма составлены.

——

Фонари—ежики золотые колят вечернюю темноту острыми иглами.

Евгения Петровна ушла в кино; она, по обыкновению, вернется поздно.

Варварке хватит времени помечтать.

Она надела хозяйкины туфли, шляпу, покрасила губы краской, попудрилась и стала смотреть в зеркало—из зеркала смотрела на нее курносая, остроглазая девушка — совсем „барышня“. В таком наряде Варварка ходила по комнате, останавливалась и любовалась туфлями, опять шла к зеркалу.

И когда-же она, Варварка, будет такая богатая, как Евгения Петровна, когда она ничего не будет делать, будет только в платья хорошие наряжаться, да в театры ходить?

Приедет тогда Варварка в деревню, так все и ахнут: глядите, глядите, чья такая?

— Да, аль вы не узнаете?—Это Варварка Кострякова.

— Ужли она? Она самая. Ну и ну...

Какая стала!..

Часы бьют одиннадцать. Варварка вздыхает. Когда то еще что будет!

Варварка снимает шляпу, туфли. Ее берет скука и на глаза навертываются слезы.

——

На листке клетчатой бумаги Евгения Петровна написала: „за упокой господи раба божива Семена“.

— Сходи завтра к обедне,—сказала она Варварке,—подай эту записочку.

И дала Варварке гривенник.

Так посоветовала Евгении Петровне старая гадалка Миклужиха, та самая, у которой над губой бородавка, как паук, сидит.

— Помяни ты человека того за упокой и прилипнет человек тот к тебе, как муха к меду.

Варварка взяла бумажку и деньги, и подумала: неужели за одного человека попу целый гривенник давать?

И, замирая сердцем, вывела старательно: „и раба Микалая“.

Это—молодец из мясной лавки, румяный, черноусый парень.

Он всегда шутит с Варваркой, называет ее красавицей и однажды, любезно положив ей в корзину мясо, завернутое в желтую бумагу, он легонько ущипнул Варварку за грудь.

„Приворожу“ подумала Варварка, вписывая мясниково имя в поминальный листок.

Три утра ходила к обедне, подавала листок дьячку и ждала, что случится что-то необыкновенное, что сразу изменит ее скучную жизнь.

Покупая мясо, она украдкой посматривала, не сохнет-ли Николай, не худеет-ли.

Но молодец горел, как маков цвет, был всегда весел, ловко работал топором и покрикивал:

— Два с четвертью... Три с осьмой...

Грудиночки прикажете?

——

Евгения Петровна лежит на кровати, закинув пухлые руки за голову.

Как-то вечером пришел Пыжиков, знакомый Евгении Петровны, человек лет двадцати восьми, стриженый, гладко выбритый, с тросточкой.

Он спросил, где Евгения Петровна, когда приедет Савелий Григорьевич из командировки, потом закурил и сел на диван. Вынув из кармана коробочку, он угостил Варварку конфектами и спросил:

— Сколько тебе лет?

Варварка покраснела.

— Семнадцатый.

— Ты уж невеста... А жених у тебя есть?

— Ну,— окончательно сконфузилась Варварка.

— Что значит—„ну"? У каждой барышни должен быть жених.

Пыжиков смотрел на смущенное лицо Варварки и только сегодня, сейчас вот увидел, что у нея красивые глаза, длинные темные ресницы и милый, задорный, хотя и непрямой, носик.

Пыжиков был человек решительный.

— Хорошая ты девченка... Чего-ж ты стоишь?

Садись.. Ешь конфеты...

Он потянулся, взял Варварку за руку и усадил на диван.

— Я собираюсь жениться,—серьезно сказал Пыжиков, но не могу невесты найти..

Все эти... женщины теперешние... куклы эти намазанные... носы напудренные, губы до тошноты красные... тьфу... смотреть противно...

И когда же она, Варварка, будет такая богатая?..

Пыжиков взял Варваркину руку.

— Пошла-бы ты за меня замуж?.

— Ну, чего зря... пустите...

— Почему зря?

— Нешто я вам невеста... я бедная...

— Эна!—воскликнул Пыжиков,— бедная!: За мной богатая будешь...

Пыжиков погладил Варварку по голове и сказал:

— Ничего ты не понимаешь...

Он выкурил еще папиросу, спросил, в какое время лучше всего Евгению Петровну дома застать, и ушел, сладкой мечтой о богатом замужестве взволновав Варварку.

„Нравлюсь я ему, непременно он меня полюбит"— думала Варварка и гадала о своем счастье на картах.

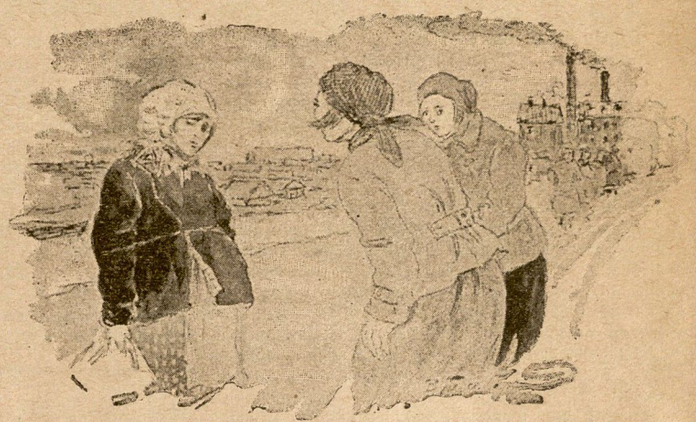
Она нисколько не удивилась, когда вечером на другой день Пыжиков пришел опять.

Он пришел именно в те часы, когда Евгения Петровна не бывает дома.

Он опять сидел на диване, курил, угощал Варварку шоколадом.

Это был счастливый вечер, Варварке казалось, что притушенная лампа горела ярче солнца.

——

Варварка! Вот, сколько лет, сколько зим!..

Загубив Варваркино девичество, Пыжиков перестал ходить не только к ней, но и к Евгении Петровне.

А через месяц Варварка услыхала, что он, бросив жену и детей, уехал куда-то за тысячу верст с какой-то заезжей певицей, и вместе с ним уехали полторы тысячи рублей учрежденских денег. Темной стеной встало перед Варваркой будущее.

——

Беременность свою Варварка тщательно скрывала от хозяйки.

Но время шло, Евгения Петровна заметила перемену в Варварке.

Она не удивилась случившемуся и совершенно спокойно спросила Варварку:

Што-ж ты будешь делать? Держать я тебя, такую, не могу, не самой же мне за тебя работать... Поезжай в деревню...

Но как ехать Варварке в деревню? Отец „спустит с нее шкуру", да и стыдно показаться в деревню...

Но решение Евгении Петровны было бесповоротно, и Варварка с несколькими рублями денег и узелком в руках очутилась на улице.

Она полдня сидела на станции, но ехать в деревню так и не решилась.

„Какая теперь будет моя жизнь,— плакала Варварка, лучше утоплюсь пойду".

И она пошла к реке.

Шла Варварка к реке, шли с завода работницы.

Вот счастливые,— думала Варварка.

Если-б она, Варварка, была богатая, она все бы отдала сейчас, она стала-бы работать любую работу, только-бы жить.

Работницы шли, весело разговаривали и смеялись, и Варварка повернула к ним лицо, встала спиной к реке, спиной к смерти, а лицом к жизни.

Как-нибудь, только — жить.

И жизнь позвала Варварку голосом Парашки Павиликиной, крепкой, загорелой девицы:

— Варварка! Вот, сколько лет, сколько зим!

Что с тобой? Чудная ты какая-то.

И когда услыхала от Варварки печальную историю ее любви, сказала:

— Дрянь дело, а поправлять его надо... Перестань плакать-то... Пойдем к нам на квартиру, а там думать будем.

Парашка и другая работница взяли Варварку под руки и повели к себе за тем, чтобы, вспоминая случившееся, как темный сон, начала Варварка новую жизнь.

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ МАРТ.

Шелест ременный—как будто прибой.
Говор планшайбы дает перебой.
В суппорт зажатая, лязгает сталь.
Стружкой взвивается времени даль.
Память уносится.
Памяти—старт!
В год восемнадцатый,
В солнечный март.
Лентой окопов обвитый Урал.
Пленных считает седой генерал.
— Много, ой, много шинелей, папах
Корчится будут в холеных руках.
Вон у соседа—в крови голова.
Рвут бескозырку и чех, и словак.
Кровь по бушлату.
Не выгнет колен.
Помнится:—
— Утро...
...Разведка ...и плен.
Небо не небо—кровавый кусок.
Браунинг лижет матросу висок.
Ветер кусает колечки волос,
Знает:—«что будет расстрелян матрос!»
В беге смертельном и солнечный скат
Знает:—зароет ночной снегопад!
Трудно и больно.
Качается путь.
— Эх бы, ребятам винтовки вернуть!
Вечер...
Над полем несется метель,
Видит:
Обнялись бушлат и шинель.
Ветренный говор—как будто прибой,
Трупы считает в снегу—за избой.
Нами ль забудется солнечный март,
Данный победам—рабочими—старт?
Крепко запомнится времени даль
Песни снарядов.
Штыковая сталь.

В. Иванов.

ПЕВЕЦ ТРУДА И БОРЬБЫ.

(60 лет со дня рождения Максима Горького—1868 г., 29 марта 1928 г.).

Горький—самый для нас близкий, популярный и любимый писатель. Обаяние творчества Горького, неувядаемое очарование и свежесть его произведений—в искренности, человечности и революционности творчества Горького.

Горький, со свойственным ему отвращением к насилию, безобразию и варварству в жизни, не мог с особенной остротой и исключительной чуткостью не воспринять весь ужас застойной эпохи Александра III, повесившего Желябова, Перовскую, Александра Ульянова. Чувство человечности, которое так характерно для Горького, не могло мириться со зверским режимом самодержавия. Рабочий класс едва-едва начинал осознавать себя, как исторический класс. В современной ему обстановке Горький не видел положительной силы. И тогда его творчество идет в низы. В типах босяков, стихийных бунтарей и протестантов, уходящих от общества или самим обществом выброшенных за борт жизни, пытается Горький найти силу, которую можно было бы противопоставить малодушию и пассивности интеллигенции и тупой жестокости верхушек общества. Босяцкий период творчества дает несколько наиболее ярких произведений („Макар Чудра", „Челкаш", „Мальва", „Старуха Изергиль" и др.). Эти вещи обнаруживают исключительную силу и своеобразное дарование молодого писателя.

Но Горький недолго продержался на идеализации босяка. В своей пьесе „На дне" он развенчивает всех этих обойденных жизнью людей, он обнаруживает их бессилие перед жизнью, беспомощность в борьбе с теми социальными силами, которые привели их в ряды люмпен-пролетариата.

В последующих своих произведениях: „Мещане", „Варенька Олесова", „Варвары", „Дети солнца", „Озорники", Горький дает галлерею типов интеллигенции. В изображении Горького российский интеллигент оказался безнадежно тупым, эгоистичным и ограниченным обывателем-мещанином, большей частью глубоко равнодушным к общественным вопросам и политическим задачам. Такое изображение интеллигенции Горьким имеет свое историческое оправдание, так как после казни народовольцев и потери веры в народ интеллигенция отошла от политической борьбы, замкнулась в себе, ушла в круг обывательских личных интересов.

Революция 1905 года вовлекает Горького в водоворот классовой борьбы. Активно работая в партии большевиков, он сталкивается с рабочими и революционерами. Эта полоса его жизни находит свое отражение в повести „Мать" и в пьесе „Враги". В этих произведениях Горький не только беспристрастно-художественно изображает классовую борьбу, но явно становится на сторону восставших, оправдывая и насилие рабочих в отношении своего классового врага и все способы борьбы, применяющиеся пролетариатом в этой борьбе.

Но Горькому не удалось в этих произведениях гармонично сочетать в себе социалиста и борца с писателем-художником. Идея (жертва матери во имя сына-революционера) перевесила у Горького над художественностью. Повесть „Мать" вышла тенденциозной, мало художественной, типы—нежизненными, отвлеченными, схематичными. Но все же, несмотря на эти недостатки, повесть „Мать", наряду с пьесой „Враги", остается одним из значительнейших произведений эпохи революции 1905 года, как первый шаг к отображению

Максим Горький в гостях у К. Тренева (автора пьесы „Любовь Яровая").

в художественной литературе борьбы организованного пролетариата с его классовым врагом.

За повестью „Мать" в 1908 г. вышла „Исповедь". В этом произведении, под влиянием упадочнических настроений послереволюционного периода, выявился мистический, богоискательский уклон Горького. В этой повести, как ранее в пьесе „На дне", носителем правды выступает не пролетариат с его научным мышлением и задачами классовой борьбы, а народ, олицетворенный в страннике Ионе. Иона является здесь носителем той смутной правды, той веры в чудесное, какой живет народ. Эта повесть знаменует собой как бы временный возврат к тем этическим, правдоискательским настроениям, которые характерны для произведений раннего периода творчества Горького („О чиже", „Фома Гордеев" На дне").

Для творчества Горького характерно обилие и разнородность типов. Рабочие, крестьяне, купцы, грузчики, полицейские, провокаторы, революционеры, артисты, проститутки, монахи, странники, журналисты, губернаторы—вот пестрая и живописная галлерея образов, отраженных в творчестве Горького. Горький жил в эпоху великого разлома, когда старая барская, бюрократическая Россия перестраивалась на капиталистический лад, когда капитализм, разоряя деревню, породил великое движение обнищавшего крестьянства в города в поисках работы. Углубляя противоречия общественной жизни, капитализм порождал глубокое разочарование в массах населения, создавая тем самым благоприятную почву для возникновения различных сект, богоискательства, туманных мистических теорий. В эту пору, предшествовавшую революции 190- г., вся Россия, все слои населения были в движении и бурлении, подобно весеннему ледоходу. И вся эта мятежная, встревоженная общественным разломом трудовая Русь, и Русь реакционная, бессильно пытающаяся задержать стремительное развитие истории в сторону революции, всплыли в творчестве Горького, отразив в себе всю сложную историческую эпоху с 90 до 1910 годов.

Своеобразная и отличительная черта творчества Горького—это отрицание, неприятие, отвержение неприглядного, безотрадного, нелепого и безобразного быта и всей общественности буржуазно-царской России Старая, придавленная рабством, зачумленная дикостью и некультурностью Россия глядит со страниц Горького во всех почти его произведениях. Вот город Окуров. Это прообраз, живое воплощение всей тупости, безысходности и одичания мещанского быта. Здесь не знают, зачем живут. Здесь не знают жалости ни к людям, ни к животным. Дети здесь мучают птиц и зверьков, старшие истязают детей, мужчины пьянствуют и избивают жен. Если у Тургенева и Чехова мы видели лишних людей, то у Горького мы находим целые социальные прослойки, идущие где-то в стороне от жизни—таковы у него босяки, таково у него и мещанство, живущее вдали от культурного мира, в неведомых никому городах Окуровых

Творчество Горького полно протеста и ненависти против бессмысленности и жестокости этой жизни. В противовес мещанину, отмежевавшемуся от кипучей и всегда бунтующей жизни, Горький упрямо мечтает и неукротимо пишет о гордом, сильном человеке, о человеке—борце и строителе, который должен притти на землю, чтобы преобразить эту землю, превратить ее в цветущий, радостный и прекрасный сад. Но этот человек мыслится им не как отдельная личность, не как сверх-человек у Ницше, а как человеческий коллектив, перевоспитанный в условиях иного социального порядка, нежели тот, которым был буржуазно-помещичий порядок.

Торжеству человеческого коллектива, торжеству вечного дерзания борьбы и созидательной силы труда Горьким посвящены многие страницы

Вот момент подъема баржи со дна реки в „Фоме Гордееве".

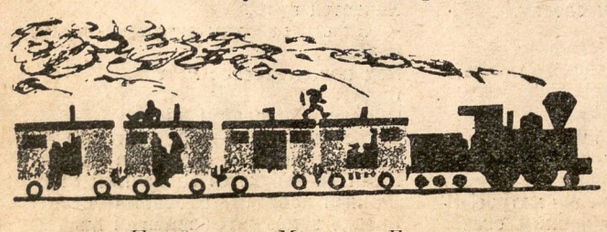
„Блоки визжали и скрипели, гремели цепи, напрягаясь под тяжестью, вдруг повисшей на них. Рабочие, упершись грудями в ручки ворота, рычали, тяжело топали по палубе. ...натягивались

Шаляпин.

„Певец во стане русских (эмигрировавших) воинов", с Горьким не спелся.

Чествуем юбиляра.

Поезд имени Максима Горького.

Кто отведал сладкого, не захочет М. Горького.

(древне-славянская мудрость).

Исследователи литературы предпочитают заниматься ничего незначащими фактами из жизни писателей прошлого, чем изучать творчество своих великих современников.

(Из газет).

Любого журнала любой номер
Откройте—в чем критики существо?
Пишуто том, кто помер—
Пишут о том, что мертво.
В подвалы газет из старых запасов
Тащут важнейшие дела:
1) Плутовал ли в карты Некрасов?
2) Где бородавка у Гоголя была?
3) В каком Натали ходила капоре?
а) Гри-де-перлевом? или б) Фиалковом?
А вот о Горьком, о том, что на Капри,
Будто сговорились—и помалкивают.
Критик думает добросовестно и честно:
«Не для каждого слава, чорт возьми, отперта»!
Сто лет со дня смерти—это существенно
А шестьдесят от рождения—так ни черта!

Арго.

Из литературного опыта.

СИНЬ.

Синие волны катит река,
Синяя ширь—далека, далека.
Синие крылья туман простер,
Свежестью дышет синий простор.
Синие трубы дымятся вдали.
Ветер купается в синей пыли.
Длинные тени—длинней и синей.
Синие омуты манят сильней:
Ласковой синью светится взгляд,
Синие змейки на платье дрожат.
Синии линии—девушки стан.
Вечер рядится в синий кафтан.

Марк Гитман.

* * *

... И вода, цвет меняя, может
Бунты злобы в себе множить.
Злобы глыбу замкну в овал,
Накипит облеку в слова.
Не за тем дым клубится из труб,
Чтобы, всплыв, застыть на ветру.
Не за тем зацветает сад,
Чтоб осыпаться в листопад.
Не за тем руку жмут упругу,
Чтоб забыть в сентябре подругу.
Если же Вы синий март забыли,
Не клубить мне дорожной пыли.
И не Вами, свое сердце раня,
Тусклым вечером буду занят.
Не печальте, морщинясь, бровей —
Эта хмурь для меня не новей.
Лиловеет после грозы —
Будет скуп на слова язык...
Лунеет. Вечер сгущает мглу,
И тонет сумрак в глазную глубь.

Ал. Ватажин

В широкую масленицу.

Закружились хороводы,
Речи смелы и вольны.
Скачут прыткие подводы
На горячие блины.
Из застолье—за застолье
Продвигается родня,
«По широкому раздолью»
Запевают кумовья.
Щедро льется самогонка,
Хоть залейся на тот свет,
Черпаком из окаренка
Друга подчует сосед:
Пей, приятель, на здоровье,
В память батьки-старика,
Что опился в богомолье
У Гладкова кабака.
Виновата доля плёха—
Вечно гнула бедняка.
В пору ту жилось нам плохо:
Слыл бедняк за дурака.
Вот теперь иное дело
Равноправия закон—
С кулаком толкуешь смело,
Поп не тянет за поклон...
Закричали, завопили
Под горою на катке.
Братцы, душу загубили,
Колом били по башке.
«Благочинно для острастки»,
Раздается бранный бас.
Съездить в нос, разбить салазки
Не в диковину у нас.
Мирной сделкой повершатся
Лихоимные дела.
На кого тут обижаться?
На то маслена была.

Крестьянин **И. Гамазин.**

и дрожали напряженно цепи и канаты, они куда-то ползли по палубе, как огромные серые черви, поднимались вверх, звено за звеном, с лязгом падали оттуда, а оглушительный рев рабочих покрывал собой все звуки:

— Весь по-ошёл, весь пошел— пошё-ол— пели они стройно и торжествующе».

И когда праздный и тоскующий Фома, не выдержав заражающего зова этой работы, принялся и сам за нее, он „не чувствуя боли, с ревом начал ходить вокруг ворота, мощно упираясь ногами в палубу. Что-то горячее лилось в грудь ему... Невыразимая радость бушевала в нем и рвалась наружу возбужденным криком... он ничего не видел и лишь чувствовал, что он одолеет, что вот, сейчас он опрокинет что то огромное, заступающее ему путь"— так передает Горький ту гордую вдохновенную радость, которую испытывает человек, участвуя в коллективном, организованном труде.

А вот дру ой мотив — борьба.

Зовом к ней проникнуты все произведения Горького. К борьбе зовет „Буревестник", о борьбе поет погибающий сокол. Борьбы не страшатся храбрые, и их безумству слагает свои песни поэт.

Зовом к борьбе пронизаны даже и самые „мирные" вещи Горького. И если в них нет ни героев, ни борцов, то так обреченно мрачен и беспросветен преподносимый в нем быт, так духовно искалечены люди, что сама плесень и сама безгласность этой жизни вопят и призывают к борьбе с ними. К борьбе за жизнь, насыщенную действием и напряженную неустанным желанием творить.

Влюбленность в творческую силу труда, в мощь человеческого коллектива, культ борьбы, побеждающей мрак и застойность жизни, делают из Горького одного из крупнейших революционных пролетарских поэтов. Правда, в его творчестве были моменты и периоды, когда его художественное умонастроение не совпадало вплотную с марксистски-пролетарской идеологией, когда у него были увлечения индивидуализмом (босяцкий период творчества), когда он уклонялся в богоискательство, пытаясь научно-пролетарскому учению об обществе противопоставить расплывчатую и неоформленную теорию о превосходстве нравственно философских исканий над научно проверенными знаниями („Исповедь"). Однако, все эти уклоны и зигзаги художественного миросозерцания Горького опять-таки были продиктованы его искренним заблуждением, его горячим стремлением найти „правду", найти путь, идя которым человечество возможно скорее и безболезненнее могло бы сбросить с себя кошмары ненависти, братоубийства, насилия и вековой слепоты. И проникнутое этим началом неустанного искания, все творчество Горького, даже и в периоды его невольных заблуждений и ошибок, было и остается глубоко революционным, насыщенным стремлением изменить, преобразить, переустроить жизнь так, чтобы не мукой, не проклятием, но великой радостью, великим счастьем была бы она для всего человечества.

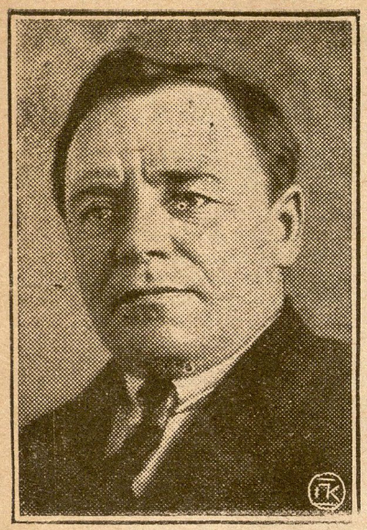
Последние письма Горького, его мнение о творческой работе, совершающейся в советской стране, его желание лично посмотреть, как живет и строит социализм пролетариат СССР, говорят о том, что Горький, так же, как и в те годы, когда он писал свою пьесу „Враги" и повесть „Мать", убежден в том, что к этой радостной, счастливой и бескровной эпохе, о которой он мечтал и служил своим творчеством, человечество сможет притти только через классовую борьбу, через диктатуру пролетариата.

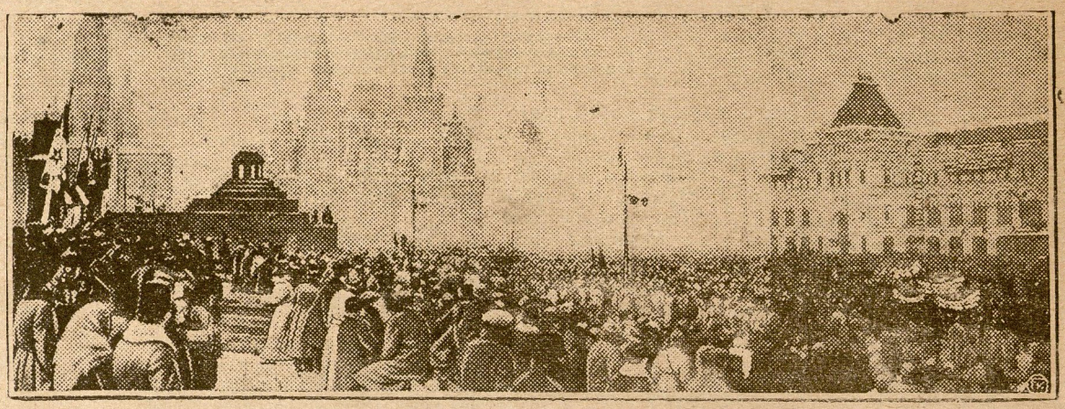
Творчество Горького — ценнейший документ предреволюционной эпохи. Его художественное и социально-историческое значение неизмеримы Вся советская молодежь, все молодые писатели и поэты должны заглянуть в эту сокровищницу.

Горького мы должны изучать, на его произведениях воспитывать у себя художественное чутье, уменье схватить и отобразить в нашей работе ее нутро, ее живую сердцевину.

М. Колябская.

Коротко о многом.

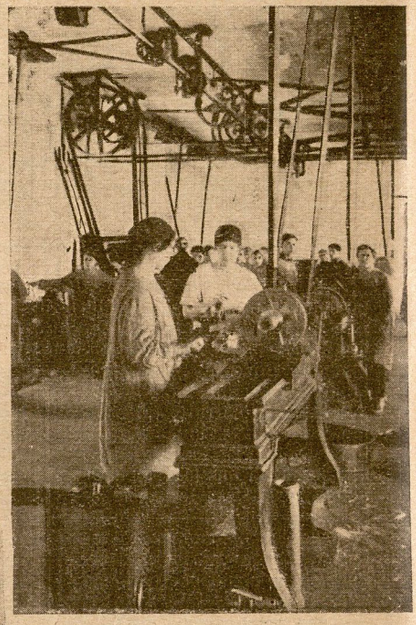

1. **т. Н. А. Кубяк,** *вновь назначенный народным комиссаром земледелия РСФСР.*

2 и 3. **Юбилей 10-летия Красной армии.** *Вверху Красная пл. в Москве, переполненная приветственными делегациями фабрик и заводов. Ниже — прохождение частей войск на параде 26 февраля.*

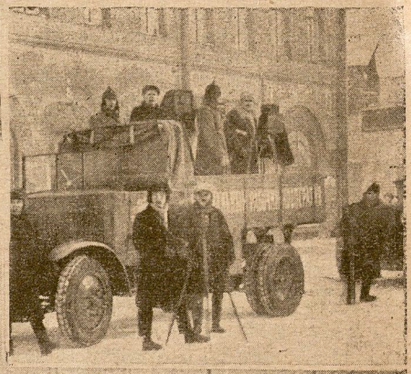
В фабзавуче Патронного завода.

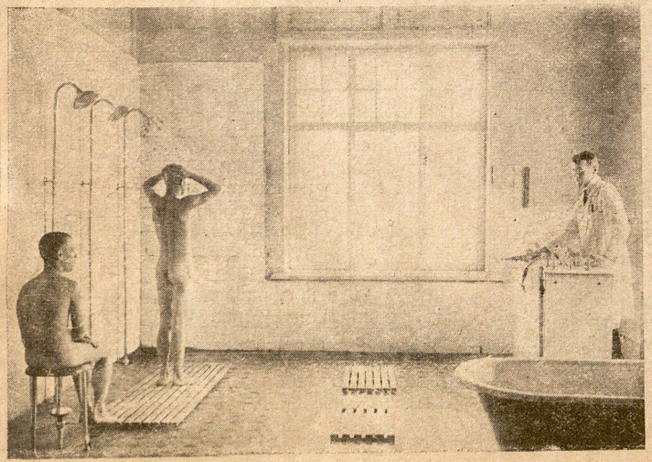
Внизу налево — водолечебница в Туле (близ Курского вокзала).

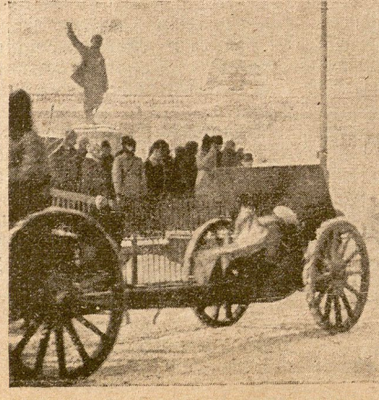
Направо — 10-я годовщина Красной армии в г. Туле. Прохождение артиллерии у памятника Ленина. Выше — фоторепортаж.

Поселок Дубна — центр Дубненского района нашей губернии.

Художественные выставки АХРР.

Крестьянка.
Работа женщины-скульптора Мухиной, которой присуждена 1-я премия (1000 руб.).

Смерть комиссара. Картина Петрова-Водкина.
(10-я художественная выставка Ассоциации Художников Революционной России к 10-й годовщине Красной армии).

Красные партизаны в Сибири.
Часть картины художника Чашникова
(к 10-й годовщине РККА).

ЗА АЛДАНСКИМ ЗОЛОТОМ.

(Героическая экспедиция в дальневосточную тундру).

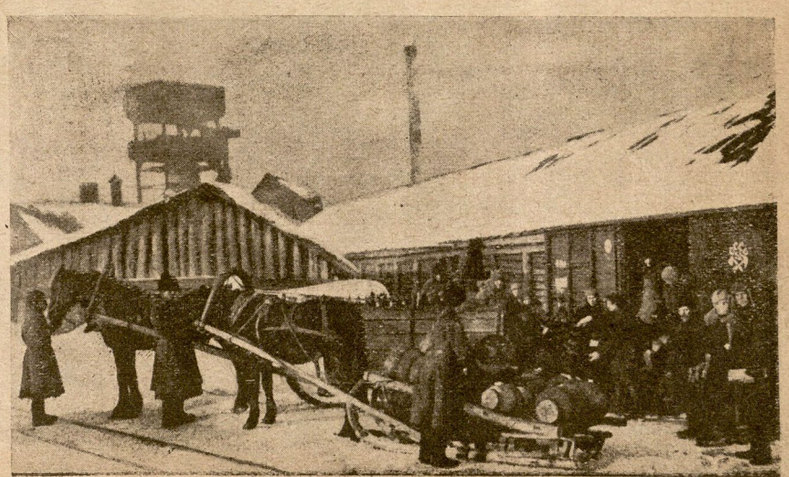
Всего лишь 3 года назад нескольким якутам, забравшимся в Приалданье (водораздел рек Лены и Алдана, южнее Верхоянского хребта), удалось найти здесь следы рассыпного золота во множестве речек, находящихся в Приалданской тундре и пересекающих ее во всех направлениях. Такие речки здесь называются «ключами». Весть об открытии золота быстро разнеслась по краю, и в Приалданье потекли толпы золотоискателей по неведомым еще путям. В то же время Всесоюзным Геологическим Комитетом была снаряжена экспедиция для обследования нового золотоносного района. Путь экспедиции был очень тяжел. По непроходимым болотам Приленской тундры она шла более месяца, пока не были достигнуты зарождавшиеся золотые прииски. Здесь экспедиция уже застала свыше 10.000 старателей (кустарей), из которых большинство были китайцы, частью корейцы и меньше всего русских. Экспедицией были изучены условия залегания пластов золотоносных песков и составлено первое петрографическое описание района. Отдаленность и трудность пути к новым приискам первое время вызывали отсутствие продовольствия. Еще в конце 1926 года на приисках 400 грамм соли стоили 4 грамма золота, а кило мяса расценивалось в 30—40 грамм золота; были случаи и людоедства.

По окончании главных работ экспедиция разделилась, при чем одна ее часть возвратилась в Ленинград, а другая, в составе геологов Серпухова и Магнушевского, отправилась на юг по тайге и прошла 700 км., достигнув Уссурийской ж. д. Этот путь едва не привел к гибели обоих исследователей голодной смертью. Тем не менее, они сохранили большие геологические коллекции, и, вместе с тем, открыли и новый золотоносный район, находящийся в 350 км. от прииска Незаметного.

НА ДУБНЕ

1) Обточка чугуна. 2) Отправка чугуна на хлебозаготовительные пункты. За складом — домна завода.

За власть советов. *Рис. А. Ларчева.*

„РАЗЛОМ“ — В ТУЛЬСКОМ ТЕАТРЕ.

МАТРОС — большое, символическое слово. В сердце революции—в Петрограде матросы решили судьбу Октября. Переход на сторону революции флота предопределил ее победу.

Нет более спаянной боевой единицы, чем команда даже самого небольшого военного катера. В революционной истории моряков военного флота много славных героических, революционных страниц. Броненосец «Потемкин» 1905 г.—одна из таких героических ярких страниц.

В 1917 году крейсер „Аврора“ возвестил всему миру начало решительных битв.

Матросы в годы гражданской войны были костяком революции. Матрос был везде: и в первых рядах Красной армии и, особенно, Красной гвардии, и в партизанских отрядах, и в ЧЕКА и на продфронте Одним словом, где огонь, где смерть—там и неизменный героический матрос.

И естественно, что один вид на сцене этого заслуженного перед революцией мощного коллектива производит могучее, торжествующее, неотразимое впечатление.

Борису Лавреневу удалось показать со сцены этот коллектив в действии, показать кусок героической истории „братвы“, этих львов революции. Показать именно коллектив, а не отдельных его героев, и показать ярко, жизненно, увлекательно, что до сих пор на подмостках театра не удавалось.

Тема пьесы автором взята из подлинных событий жизни флота [в пред'октябрьскую эпоху 1917 года — борьбы за крейсер „Аврора“.

Созданное автором массовое действие на палубе крейсера и семейная драма в квартире морского офицера Берсенева дали великолепную пьесу.

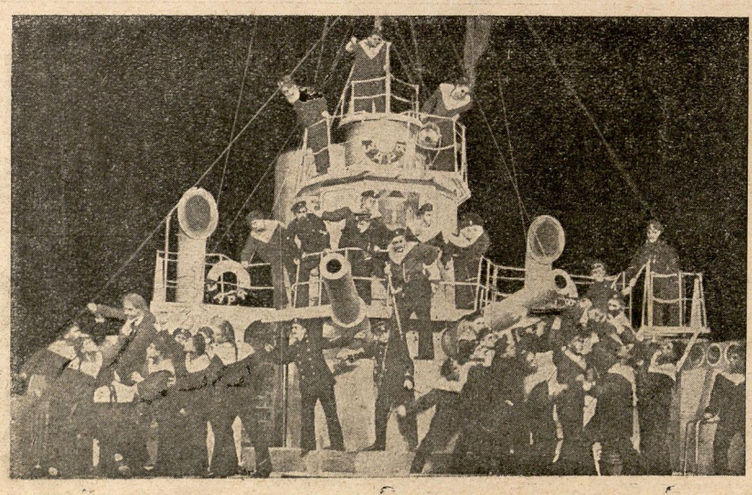
Классовый, семейно-бытовой разлом — составляют, так сказать, „душу“ пьесы, ее нутро. Отсюда растут и ее сюжетные перипетии.

В фабуле пьесы очень крепко, органически слажены коллективное и личное, и это делает пьесу убедительной и глубоко, сильно воздействующей на зрителя.

Постановщику этой пьесы, режиссеру Ростовцеву, удалось очень хорошо согласовать динамику массового действия на палубе с интимностью семейной драмы, не затушевывая правдивости враждующих сторон. Детали—четки и ярки. Хорошо сделано, что офицера Штубе (Бурэ) и адмирала (Успенский) играют первые артисты Гортеатра, Они показаны правдиво, без ложной утрировки, отрицательных трафаретных офицерских качеств.

Совершенно неожиданно в пьесе заняла видное место, по качеству исполнения, артистка Шереметьева. Роль Ксении продумана и дана очень ярко и естественно. Оба действия в квартире Берсенева от этого значительно выигрывают, служа ярким, нужным контрастом к общему героическому тону пьесы.

Искренно и тепло проведена роль командира Берсенева Любичем. Несколько неубедителен выходит вожак матросов—Годун у Трапезникова. Хотелось бы больше крепости и уверенности и в голосе, и в жесте.

Сцена 4 акта „Разлома“.

Лучше всего сделаны массовые сцены. Здесь режиссура и весь коллектив потрудились над основным в пьесе, и в этом их большая заслуга.

С особенным удовлетворением необходимо отметить работу художника Белоуско.

Звуковые эффекты буквально переносят зрителя в порт, в море.

Завоевание нашего театра — вертящаяся сцена,— дало полную иллюзию заключительной части спектакля, отхода крейсера в бой, в революцию, к славным победам, завершая торжественный, великолепный, праздничный, героический спектакль.

С. К.

Сатира и Юмор

„РЕВИЗОР".

I

РАБОТА по перевыбору лавочных комиссий шла полным ходом Особенно в нашей мастерской рабочие приняли в этом горячее участие. Переизбирали прежний лавком, который за все время своей работы только и сделал, что потерял собранные рабочими дивидендные марки. Думали,думали мы, кого бы вместо прежнего растяпы выбрать,—все кандидатуры не подходящи: у того голова мала, другой глазом часто моргает, третий дома у своей домохозяйки зубы часто считает.

Тут токарь Соткин, сидящий на паровой трубе, крикнул:

— „Гаврюшку Щелкина надо избрать! Парень с башкой: в «Коммунаре» заметку поместил».

Все с этой кандидатурой согласились. А кандидатура вышла насередину, да как закричит:

— Рад стараться, братцы-товарищи! разбивать буржуазию!

Рабочие наши против всяких волокит,— тут же предложили собрание закрывать.

II

Проходя дорогой мимо кооператива, Гаврюшка Щелкин встретил Соткина.

— Ты, Гаврюш, не подгадь; мы уж на тебя надеемся. Вот в этом чертовом кооперативе (Соткин указал на кооператив) приказчики пеклеванку в морду покупателям тычут. Ты бы туда нагрянул.

Гаврюшка ,гордо улыбаясь, говорил:

— Молчи, ребя, все сделаем! Сейчас пойду в правление и скажу, что я теперь лавочный комиссар.

III

Через несколько дней Гаврюшка Щелкин, с папкой под мышкой, шел в вышеуказанный магазин № 1½ вскрывать его внутренние и внешние недостатки.

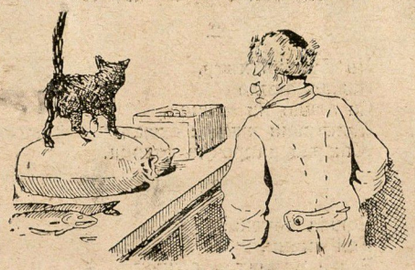
— Бюрократы, ворчал Щелкин.—Вот сейчас приду, весь ихний кооперативный аппарат вверх дном переверну, все до единой коляски этого аппарата в физию кооператорам пошвыряю.

Открыв дверь магазина, Щелкин сразу же заметил недостатки: по прилавку, где лежали открытые с'естные продукты, важно расхаживал здоровый кот и деликатно обнюхивал все поочередно. Мужичек в шубе и с кнутом под мышкой спросил:

— Это для чего же, милые, звери-то у вас тут гуляют? а?

Но ему ничего не ответили, и приказчик, бросив мужичку небрежно селедку, уже улыбался даме в шляпе и ботах.

Около кассы стояла толпа граждан. Какая-то тетка, отчаянно потрясая в воздухе корзиной, кричала:

— Паскуда-то косоглазая! Вчера пятиалтынный не додала, нынче гривенник. Докель же это будет-то? Вытащить сейчас из клетки за косы, да показать ей!..

— А ты проверяй деньги, не отходя от кассы!—сказал кто-то сзади.

— Много я со слепу проверю, да сзади напирают. А она, паскуда, пользуется этим.

Увидя это, Щелкин нервно подошел к человеку, сидящему на ящике.

— Вы будете зав. магазином?

— Я .. Ну? Чего? Жалобную книгу что-ль? Занят я,—заговорил тот, прожевывая неочищенную колбасу.

— Я—член лавкома; пришел работу вашу проверить.

Колбаса остановилась в горле зава.

— Лавкома?—протянул он.—Ну, влопался!—подумал зав.— Вывози, кооперативная!.. Да чорт же его угадает: не пальто на нем,—рвань какая-то.

Спохватился и заговорил вслух:

— Работу пришли проверить? Пожалуйста. Пожалуйста! Плохого ничего не найдете!

— Как ничего? Почему на безобразие кассирши не смотрите? Почему животные по прилавку ходят? Жалобной книги не даете?

— Э, и охота вам здесь. Пойдемте в конторку, там пообсудим, запишем.

В „конторке" Щелкин развернул свою папку.

— Сколько человек штата?

— После, после о штате! На вас лица нет. Вы озябли Вам обогреться надо! Давайте „кооперативной" по стаканчику! хе-хе-хе! а?

После „первой кооперативной" оковы с языков спали совсем, а после пятой лавком и кооператор стали друзьями.

— Нельзя ли у вас мучицы пудик без купонов стрельнуть? Ну, мыльца там, маслица, хе-хе! Совсем купонов не стало. Разобрали уж все.

— Ну как же, для вас всегда можно. Вечерком завтра приходите к запорке, все уладим.

Зав. ликовал. Ликовал и Щелкин. Идя домой, он говорил:

— Нет, зав. парень хороший, ей богу хороший. Врет Ванька Соткин, ей богу врет. Брешет подлец. Таких поискать, ей богу поискать ..

А рабочие говорили:

— Гаврюшка работу наладит. Он частенько в магазин-то заглядывает. Знали кого выбирали!

Д. Кузьмин.

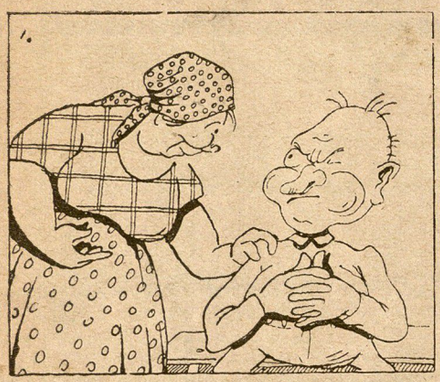
Доказал стойкость. *Рис. А. Ларчева.*

— Я, Катя, стойкий: перед своим заведывающим завсегда встаю...

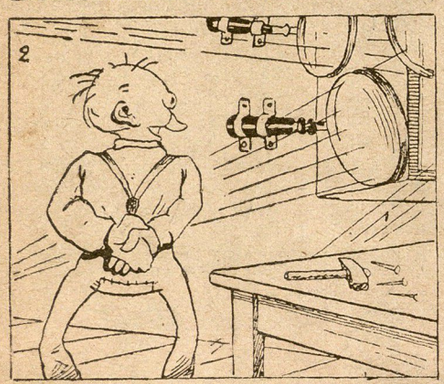
ПОХОЖДЕНИЯ ПУПЛИЯ АНЮТОГЛАЗКИНА.

Текст А. Лесного, рис. В. Сэпп.

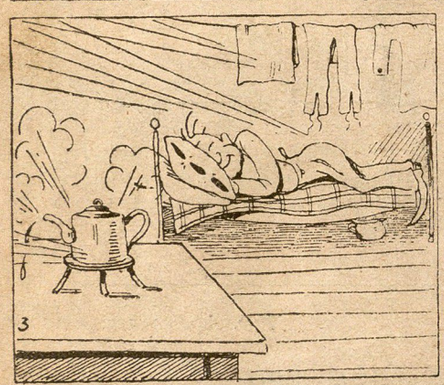
1.

Наевшись сладко пирога,
Вдруг говорит хозяйка:
— Мороз! Ступай бери дрова.
Скорей, мой друг, ступай-ка!..

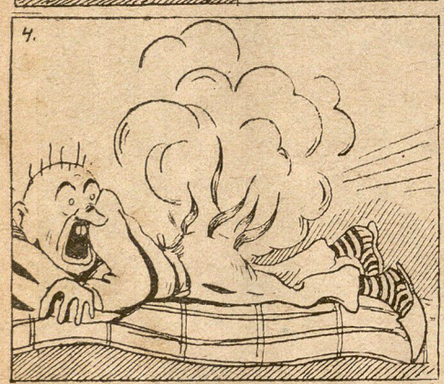
2.

Но Пуплий хитр,
Извлек тепло
Он ловко из оконца,
Пристроив хитрое стекло
Как раз напротив солнца.

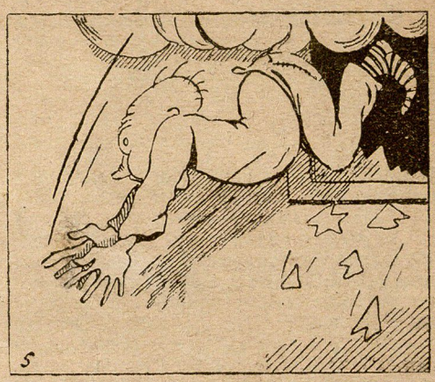
3.

Пошла потеха!
Чай кипит,
Белье моментом сохнет,
И Пуплий наш, согретый, спит,
То замычит, то охнет...

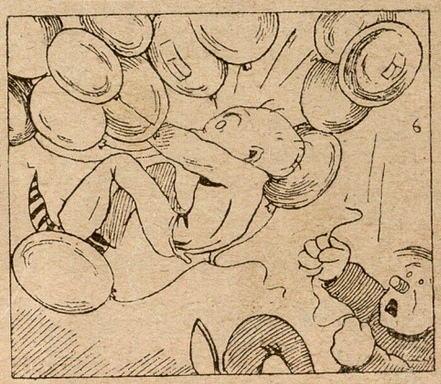
4.

Хозяйке — радость велика
(Бывают в жизни штуки).
Но вдруг несчастье:
От стекла
Зажглись героя брюки...

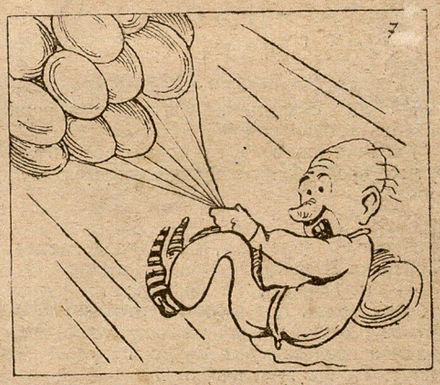
5.

Воды сюда!
Воды скорей!..
В мгновение одно.
И вместо замкнутых дверей
Он выскочил в окно...

6.

И вот с невидимой горы
Наш Пуплий—кувырком,
Сшиб продавца
И за шары
Вцепился кулаком...

7.

Ой, что со мною?
Что со мной?
И сам себе не верит..
...И плавно плавает герой
В небесной атмосфере.

8.

Вот астроном,
Разинув рот,
Состроил в страхе мину,
Увидев в длинный телескоп
Такую вот картину.

Если ты друг „МОЛОТА“, то должен убедить своих товарищей подписаться на журнал.

При подписке на „Коммунар“ не забудьте выписать „МОЛОТ“.

Издатель — газета „Коммунар“.

Редакционная коллегия { М. Колябская, С. Корнев, С. Дмитриев, Я. Медведев, В. Старцев.

Адрес редакции: Тула, угол ул. Коммунаров и Менделеевской, д. № 2. Телефон 1-76.

Губл[illegible] № 364. Типография Тулпечати—Тула, ул. Коммунаров, 42. Зак. № 1330 Тираж — 4000 экз.